

Пролог

10 февраля 1987 года, 2.30

Школа «Три сосны»

Московская область

Темная февральская ночь — лучшее время для ледящих душу историй. По крайней мере, так считала Ксения, а потому в очередной раз предложила друзьям собраться после отбоя у нее в комнате, чтобы от всей души попутать друг друга. Зимой в школе развлечений никаких, порой целыми днями на улицу не выходишь, поэтому согласились все, кого она пригласила. Пришли даже те, кого не звала: Галка притащила с собой Андрея из параллельного класса, чему Ксения не обрадовалась. Андрея она недолюбливала, а он ее откровенно терпеть не мог. И зачем только явился?

Стол для тайной вечеринки был накрыт что надо: Ксения и ее соседка по комнате Тоня вечером утащили с кухни остатки ужина, поэтому сейчас стол ломился от яств: тут тебе не только картошка и хлебные котлеты, которые Маргарита Филипповна — старая кухарка — выдает за мясные, но и соленые огурчики, и баклажанная икра, намазанная на тонкие ломтики хлеба, и даже маринованные помидоры. Ради последних Тоне пришлось выкрасть у кухарки ключи от погреба. Бутылку самогона парни притащили из деревни еще накануне и прятали в сарае за поленницей дров.

В тесную комнату народу набилось, как селедки в бочку, а потому когда Андрей сел на подоконник и открыл форточку, никто ругаться не стал. Свежего воздуха не хватало. Освещалась комната только тусклой настольной лампой для придания нужной атмосферы, и казалось, что находятся они едва ли не в гробу. Андрей курил, старательно выпуская облака сизого дыма в форточку: не дай бог дежурный воспитатель учует запах сигарет, мигом всю компанию разгонит, а на завтрашней еженедельной линейке директор показательно всыплет всей компании и отправит на месяц работ: снег расчищать, дрова носить, коридоры мыть.

— И вот в самую полночь из темноты по воздуху выплывает черный-черный гроб! — стараясь придать голосу таинственности, рассказывала Ксения.

К этому времени бутылка самогона опустела, а потому почти никто из ребят не слушал ее. Надо же было вытянуть последний номерок! Рассказывала бы первой, все бы визжали, как с глупой истории Машки Соловьевой. Ни капли страшно не было, если уж честно, но нужный эффект она произвела. А Ксению даже не слушает никто.

Правда, оказалось, что как минимум один человек все-таки слушал. Когда она замолчала, с подоконника послышался насмешливый голос Андрея:

— Сказка для малышей. Сходи в корпус к перволашкам, может, они и испугаются.

— Расскажи лучше! — мгновенно вскинулась Ксения.

Андрей не стал участвовать в общем разговоре, не тянул номерки, не слушал ничьих историй и не рассказывал своих, а потому Ксения была уверена, что

и сейчас только презрительно фыркнет и отвернется. Однако он еще раз глубоко затянулся, выбросил окурок в окно, слез с подоконника и пересел в круг на полу, где сидели ребята.

— Ну слушайте, только если кто впечатлительный, то лучше сразу валите отсюда, — предупредил он. — Потому что история эта произошла здесь.

И вот ведь гадство: все сразу начали слушать! Ее, Ксении, историю почти никто не слушал, а стоило только этому... слезть с подоконника, так все отложили дела и уставились, открыв рты. Ксения насупилась, только что руки на груди не сложила от обиды.

— Лет двести назад в этих лесах жила колдунья, — начал Андрей, понизив голос и профессионально оглядывая каждого из присутствующих, чтобы понимать, какое впечатление производит его рассказ, где нужно сгустить краски, а где сделать таинственную паузу. — И было у нее три дочери. Умницы и красавицы, да только никто к ним свататься не приходил. Кому хочется на дочери колдуньи жениться? Ведь всем известно, что однажды ее проклятый дар одной из дочерей достанется, а то и всем трем. Время шло, девушки старели, характер у них портился. Ну, сами знаете, старые девы вечно злые навроде нашей Антоновны.

Ребята нестройно захихикали, вспоминая вечно злющую учительницу физики. Едва ли дело было только в отсутствии мужа и детей, такой уж скверный характер она имела с молодости, но дразнили ее старой девой и не упускали возможности уколоть этим.

— А старуха все не помирает да не помирает. Передала бы уже свой дар, они бы понимали, что не зря

страдали всю жизнь, а так ни мужа, ни дара. И вот однажды так достала их мать, что решили они ее убить. Долго перебирали разные варианты, и все казалось, что не обхитрят старую ведьму, раскусит та их план.

Чем больше Андрей рассказывал, тем таинственнее становился его голос и тем тише вели себя ребята. Внимали каждому слову, девчонки испуганно жались к парням. И тем больше злилась Ксения. Приперся незваным, еще и все внимание на себя забрал!

— Все случилось в феврале. Таком же холодном и мрачном, как этот. — Андрей сделал паузу, посмотрел в темное окно и тяжело вздохнул. Даже Ксении показалось, что ледяной ужас тронул ее за загривок, что уж говорить об остальных. — Пошла старуха в лес за дровами, а дочери тронулись следом. В самой непролазной чаще напали они на безоружную мать и задушили. Надеялись, что, умирая, она передаст им свой дар. Но старуха сильно разозлилась на предательниц и ничего им не передала. Так они стали не просто озлобленными старыми девами, а еще и убийцами. А колдунья, не избавившаяся перед смертью от дара, не нашла покоя. Как только выпадает первый снег, выходит она на охоту. Бродит по лесу, воет, стонет, проклинает дочерей. Заглядывает в окна... — Андрей снова посмотрел в окно, которое выходило как раз на темный лес. Тома тихонько вскрикнула и прижалась к сидящему рядом Сергею. Ксении захотелось треснуть соседку! — Ищет... ищет... А если какая-нибудь девушка нечаянно окажется ночью на улице, принимает ее за свою дочь и убивает! Ее называют Черной Дамой, потому что она всегда является в черном одеянии. И если вдруг увидите ее или хотя бы услышите вой — бегите, не оглядываясь, иначе — смерть!

Если бы эту историю рассказывала Ксения, перед последним словом она обязательно сделала бы паузу, а потом выкрикнула его. Девчонки взвизгнули бы, парни наверняка вздрогнули. Но Андрей произнес это слово тихо, еще тише, чем весь остальной рассказ. И оттого оно проникло сквозь кожу, миновало мышцы, впиталось в самое сердце, забилося вместе с ним, отдаваясь страхом в висках. И девчонки, и парни молчали, но по их глазам было видно, что такого впечатления на них не производила еще ни одна история. Тишину, окутавшую комнату плотным коконом, нарушало только шумное дыхание ребят. Ксения и сама чувствовала, как леденеют пальцы на руках и ногах, и разлилась за это на себя.

— Ну и бре-е-ед, — старательно лениво протянула она. — Если б Черная Дама реально существовала в нашем лесу, мы бы давно эту историю слышали, не первый год тут живем.

— А ты сходи, проверь. — Андрей насмешливо кивнул в сторону окна.

Ксения невольно тоже посмотрела на него. Комната находилась на первом этаже, упиралась в густой лес, а фонарь с этой стороны был разбит с осени. Идти туда не хотелось бы даже летом, не то что в холодном темном феврале. Но вызов брошен, а Ксения Мамонтова отступить не привыкла!

— А и схожу! — Она смело поднялась на ноги.

— Ксюш, ты что? — шепотом спросила Тома, испуганно дернув ее за штанину.

Но Ксению, вошедшую в раж, никогда и ничего не останавливало. Нервными, дергаными движениями она натянула пальто прямо на пижаму, суну-

ла босые ноги в сапоги. Вылезала через окно, чтобы не быть пойманной дежурным воспитателем, если вдруг тому придет в голову заглянуть в корпус старшекласников. Именно поэтому все сборища всегда и проходили в их с Томой комнате: легко залезть через окно, а если воспитатель решит пройти по двору, можно затаиться за ближайшими деревьями.

Идти было страшно. Девчонки остались в комнате, столпились у открытого окна, с ужасом и уважением глядя ей вслед, парни вышли за ней, но остались на опушке, даже за забор не полезли. Ксения нырнула в дырку сама, вышла с другой стороны и сразу почувствовала, что осталась одна. Будто забор разделил мир на тот, где есть школа, друзья, редкие визиты домой, еще более редкие передачи из дома, и этот, где есть только она и густой недружелюбный лес. По уверениям Андрея, еще и Черная Дама, но если бы Ксения хоть на секунду допускала ее существование, ни за что не шла бы сейчас по рыхлому снегу, проваливаясь в сугробы. Снег засыпался в сапоги, намочил босые ноги, и теперь пальцы леденели уже не от ужаса, а от холодной воды. Растущая луна освещала лес достаточно хорошо, свет пробивался через голые ветки деревьев, отражался от снега, а потому дорогу Ксения видела неплохо. Но вот стоило оглядеться по сторонам, как сразу становилось понятно: только дорогу она и видит. В паре метров вокруг уже царил темнота, разливалась по лесу чернильным пятном, стирала знакомые очертания.

Ксении нужно было дойти до старого шалаша, находящегося примерно метрах в пятистах от забора, принести оттуда дырявое ведро, в которое под-

ростки складывали окурки, когда гуляли там летом, в доказательство того, что она не просидела испуганно за ближайшим дубом. Но чем глубже в лес она продвигалась, тем сильнее хотелось повернуть обратно. Черт с ним, с дырявым ведром, черт с ним, с Андреем. Пусть всю следующую неделю над ней будут насмехаться, только бы не слышать этой оглушающей тишины вокруг, разрываемой лишь скрипом снега под ее сапогами да редким уханьем вылетевшей на охоту совы. В этой тишине каждый посторонний звук отдается эхом в испуганном сердце, заставляет вглядываться в темноту до кровавых кругов перед глазами.

Дыхание сбилось, и лишь тогда Ксения поняла, что не может идти дальше. Промокшие ноги словно приросли к очередному сугробу, в который она провалилась, по щекам покатались замерзшие льдинки-слезинки. Страшно, до чего же страшно!

Снова ухнула сзади сова, совсем близко. Ксения подпрыгнула, обернулась и не сдержалась — зарыдала в голос. Благо отошла уже далеко, никто не услышит, а красное лицо потом можно списать на мороз.

И все равно не повернула назад. Да и зачем? До шалаша оставалось совсем немного, возьмет это чертово ведро и вернется победителем.

Скрип снега заставил ее остановиться. Это были совершенно точно не ее шаги. Кто-то шел за ней сзади, шел быстро, стремительно приближаясь. Кто-то из ребят? Поимел совесть и решил сопроводить ее? Или же напугать? Скорее, последнее. Джентльменов в их школе не водилось. Ксения гордо вздернула подбородок и пошла вперед, не оглядываясь. Пусть не думают напугать ее.

Длинная тень скользнула между деревьев, обогнала ее, давая понять, что тот, кто преследовал, совсем рядом, и он гораздо выше, больше глупой гордой девочки. Сердце колотилось уже не в груди, а в горле, и Ксения не выдержала, обернулась.

Громкий крик разорвал тишину ночного леса, испугал сонную птицу, та закричала вместе с Ксенией.

Огромная черная фигура нависла над перепуганной девушкой, отнимая и волю, и силы бежать. Ксения замерла, как кролик перед удавом, и только громкий вопль продолжал вырываться изо рта, взметал вверх крохотные снежинки, а затем брызнул на белоснежный снег кроваво-красными каплями.

Глава 1

6 февраля 2017 года, 14.50

ресторан «Базилик»

г. Москва

Всех людей, обращающихся за помощью в Институт исследования необъяснимого, Войтех Дворжак делил на две большие категории. Первые присылали заявки по почте: электронной или обычной. Некоторые во всех нужных и ненужных подробностях описывали произошедшее, некоторые ограничивались сухими фразами, отражающими лишь самое необходимое. Таких людей было процентов девяносто пять, что вполне объяснимо: Россия — страна большая, и письма порой приходили из таких мест, о которых не слышал даже до неприличия образованный Нев. Приходилось открывать карту и искать на ней.

Иногда писали те, кто находился в одном городе с Институтом. Это Войтех объяснял не столько занятостью и невозможностью приехать лично, сколько тем, что далеко не каждый человек может вслух рассказать, что столкнулся с тем, чему не нашел объяснений. Зато писать о таких вещах обычно намного проще.

Людей из первой категории Войтех любил, поскольку, хоть заявок и было много, он мог легко отсеять те, которые наверняка не требуют помощи Ин-

ститута. Сложнее обстояло со второй категорией. С теми, кто обращался лично. И здесь Войтех тоже делил их на две подгруппы. Первые приходили или приезжали в Институт, иногда предварительно позвонив, иногда сваливаясь как снег на голову и требуя у Лидии, сидящей на ресепшене, самого компетентного сотрудника. А вот вторые...

Вторых Войтех не любил больше всех остальных. Они не приезжали, а просили — и чаще всего их просьбы походили на приказы — приехать к ним. Обычно это были достаточно богатые и влиятельные люди, относящиеся ко всем вокруг исключительно как к обслуживающему персоналу. У них всегда было много требований, много условий, большое желание быть в курсе всех деталей расследования и получать в конце максимально подробный отчет. И еще везло, если они просто хотели знать подробности, а не лезли со своими советами и идеями. Хотя чаще всего лезли. Но именно эти люди щедро платили за работу, а Институт — коммерческая организация, поэтому Войтех никогда им не отказывал.

Вот и сегодня, сцепив зубы и заранее спрятавшись за маской невозмутимости и спокойствия, он приехал полуденным «Сапсаном» в Москву, чтобы встретиться с подобным заказчиком.

Николай Александрович Мамонтов позвонил сегодня утром. Не на один из телефонов Института, а лично Войтеху. Не то чтобы его номер был тайной за семью печатями, но на сайте не висел. Впрочем, Мамонтов не стал скрывать, что телефон ему подсказали общие знакомые. И Войтех был уверен, что знакомые эти — не Сидоровы, Нев или Долгов с Дементьевым. Подозревал идейного основателя

и покровителя ИИН — депутата Эдуарда Александровича Ляшина. Мамонтов пригласил Войтех на обед в достаточно дорогой ресторан, что было еще одним подтверждением теории о хорошем финансовом положении заказчика и его знакомстве с Ляшиным.

В Москве Войтех прожил десять лет и хоть уже почти два года обитал в Санкт-Петербурге, город продолжал оставаться для него в некотором роде родным и хорошо знакомым. Он всегда тайно радовался, когда удавалось сюда приехать. Даже если на улице метет страшная метель, а столбик термометра днем не поднимается выше -10 . Вещей с собой у него не было, он собирался вернуться домой этим же вечером, а потому сразу с вокзала направился в ресторан.

Его уже ждали. Улыбчивая, невероятно красивая и длинноногая хостес отвела к столику, за которым сидели приземистый, плотный мужчина с залысинами и молодой парень лет шестнадцати. Последний хоть и был выше спутника на целую голову и меньше килограммов на пятьдесят, а все же удивительно походил на него. Войтех сразу догадался, что это отец и сын. Оба приподнялись со своих мест, здороваясь с ним, что немного смягчило градус напряженности: Мамонтов строить из себя хозяина жизни не собирался.

— Это мой сын Артем, — представил он парня. — Поскольку дело касается и его в том числе, я счел возможным его присутствие при нашем разговоре.

Войтех кивнул, давая понять, что не имеет ничего против, сел на свободный стул и заказал официантке только чашку американо.